

Яна Батчаева

БЕРКУТЧИ
и украденные
ТЕНИ

Москва
2025

Яна Батчаева

БЕРКУТЧИ
и УКРАДЕННЫЕ
ТЕНИ

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б28

Иллюстрация на обложке *Хёскульд*

Батчаева, Яна Дмитриевна.
Б28 Беркутчи и украденные тени / Яна Батчаева. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-213293-3

Рат Громов, выросший в детском доме, привык полагаться только на себя. Жизнь парня резко меняется, когда за ним приезжает тётя Лиза. Переехав к ней в старинный дом в городе Гривске, Рат узнаёт, что их семья хранит древние секреты, они — Беркутчи, воины-птицы, защитники людей и хранители границ между мирами.

Когда в городе начинают происходить необъяснимые события, а дети один за другим впадают в летаргический сон, парень понимает: чтобы раскрыть правду, ему предстоит столкнуться с тёмными силами и принять свою судьбу. Вместе с Эммой и Мироном Рат погружается в тайны города, старинные легенды и собственное прошлое. Сможет ли он восстановить связь с родом и защитить тех, кто ему дорог?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-213293-3

© Батчаева Я.Д., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

Жарко горел костёр в степи у предгорья Улутау. И алые языки пламени его всё выше тянулись к закатному небу, будто старались напоследок напитаться светом уходящего солнца, чтобы ещё ярче гореть до самого утра.

У огня сидел совсем седой старик. Поверх прочей одежды на нём был надет синий халат, весь расшитый узорами, на груди сверкали диковинные амулеты да бусины, а голову покрывал борик¹ с опушкой из волчьего меха. На слегка смуглом морщинистом лице с удивительно чётко выведенными скулами появилась улыбка. Глаза слегка

¹ Б о р и к — традиционный головной убор, обычно выполненный из мягкой ткани или меха, часто с округлой макушкой и низкими полями.

Яна Батчаева

прищурились, ждали. Они точно знали, что время пришло.

Трое юношей стояли напротив старика. Старшему из них только-только исполнилось восемнадцать, но сила уже давно таилась внутри него и теперь, пробудившись, стремилась вырваться на свободу. Ученик неуверенно смотрел на учителя. Тот важно и не спеша кивнул, не переставая лукаво улыбаться, будто ему были открыты все самые поразительные тайны вселенной, и таким простым жестом вселил в молодого человека веру в самого себя.

В сердце юноши разгорячилась храбрость, которая присуща лишь самым смелым мужчинам. Он вдохнул полной грудью и закрыл глаза. Сосредоточился. Ветер ерошил русые волосы, окутывал ученика и забирался прямо под рубаху, но тот будто совсем не чувствовал холода. Он словно стал частью свободного ветра и пылающего огня одновременно, рос из земли, как могучее дерево, и был сильным, как поток бурлящей горной реки. Наконец он выдохнул и высоко поднял правую руку, обтянутую перчаткой: поверх ткани, на указательном пальце, засверкал громоздкий перстень с ярко-красным опалом, золотая оправка которого была сделана в форме крыльев, держащих камень. Природа замерла в ожидании. Звуки степи стихли. Такая тишина опустилась на землю, что стало слышно, как шепчутся в небе звёзды.

Вот оно — шелест крыльев, скользящих в темноте, а затем будто из ниоткуда появившаяся тень

крупной птицы. Она ухватилась когтями прямо за очертание предплечья юноши на земле. Немыслимо. Оба друга его, раскрыв глаза в изумлении, шумно втянули воздух, но тут же спохватились и смолкли, чтобы не спугнуть бестелесное существо.

Взгляд всех троих был прикован к тени, смиренно ожидавшей конца ритуала. Наконец старший ученик уверенно проделал круговое движение рукой, на которой сидела птица, и пробормотал слова на рахманском языке духов: «Он вету — он левиа». В то же мгновение в воздухе родился клубок синего пламени размером с кулак. Он рос слишком быстро. Люди и глазом не успели моргнуть, как клубок увеличился в сотню раз, а затем вспышка, взрыв — и пламя превратилось в птицу.

На руке юноши величественно восседал тёмно-бурым хищник. Он гордо поднял голову с золотистыми перьями на затылке, расправил массивные крылья и издал крик, который вихрем пронёсся по широкой степи. Тотем признал своего беркутчи и единство с ним до самой смерти.

Глава 1

ВИЗИТ ВОРОНА

Берёзовую улицу освещали сплошь торчащие фонари. Однако их жёлтого света было недостаточно, поэтому бóльшая часть зданий, растянувшихся на ней, так и оставались окутаны темнотой. Среди них ютился детский дом номер двадцать четыре. Он был построен в прошлом веке, но всё ещё выглядел хорошо: стены из красного кирпича почти без сколов, новенькие пластиковые окна. И всё же этот дом навевал такую тоску, что будто сквозняк задувал в душу едкое чувство одиночества. Пустынный двор перед фасадом и вовсе представлялся мрачным. Ни кустов тебе, ни цветов. Лишь небольшая игровая площадка для младших воспитанников да старый вытянутый стол для пинг-понга, ножки которого давно покрылись плесенью.

Внутри было не лучше. Та же унылая, неуютная атмосфера, которая днём разбавлялась суетой, а ночью — хором из безмятежного дыхания, сопения, а иной раз и храпа, больше походившего на негромкое похрюкивание. Равно как и сейчас. Во всём доме хозяйничал сон. Даже дежурная воспитательница на третьем этаже, Роза Андреевна, уронив массивный подбородок на грудь и сложив руки на полном животе, отдалась дремоте. Конечно же, стоило произойти чему-то из ряда вон выходящему и нарушающему общую атмосферу сна, как грузная пожилая женщина тут же всполошилась бы и моментально приобрела ясность мысли. Она давно развила подобные навыки.

Ратмир Громов хорошо знал это, а потому старался стоять у окна тихо, чтобы не разбудить её, иначе отхватит так, что мало не покажется. Роза Андреевна с нарушающими режим не церемонилась. Чуть что — на кухню дежурить, полы драить, да ещё и подзатыльником наказание дополнит. А рука у неё тяжёлая — проверено не раз. Но как бы там ни было, Рат всё равно пренебрегал правилами учреждения и находил в этом особое удовольствие, словно такого рода бунт мог позволить ему почувствовать себя более свободным, как было до того дня, когда эти угрюмые стены стали его пристанищем на долгие годы.

Свободным. Да. Именно таким он себя ощущал в то время, когда родители были ещё живы, то есть до его семилетия. А ещё значимым и сильным. Особенно в те дни, когда родители устраи-

Яна Батчаева

вали поездки на природу и они втроём проводили часы за пикниками на зеленеющем холме, где неизменно разгуливал ветер, а пышные кроны дубов, точно по волшебству заключающих то место в плотное кольцо, танцевали под его музыку.

Отец говорил ему: «Прислушайся, сын, так дышит мир». И он слушал. Слушал шелест травы и листвы многолетних деревьев, голоса птиц, свист ветра в его русых волосах и хрустальную мелодию Голубых озёр. Этот язык природы мальчик понимал без труда. Он с головой погружался в самую глубину мира, и даже крохотная пылинка этого мира казалась чудом. Рат ощущал себя частью вселенной, без которой её существование просто невозможно, не то что теперь, будто он совсем чужой в этом мире, как лишний пазл из уже сложённой картины.

Мальчик глубоко вздохнул, и его выдох оставил на стекле влажный след. Рат смахнул его ладонью. Холодно. Он взглянул на квадратные серые часы на стене: маленькая стрелка скользнула за полночь. Спать не хотелось. Вместо сна он принялся высматривать открывающуюся взору окрестность, как делал это уже сотню раз. Вот прямая пустая дорога под окнами: поскольку детский дом находился на окраине города, то автомобили по ней проезжали редко, тем более в ночное время; напротив — несколько пятиэтажек, с магазинчиками на первых этажах, а за ними притаились частные домики. Где-то вдали в ночной тишине блестела гладь Голубого озера. Искусственно со-

зданное человеком, оно так гармонично вписалось в среду края, что, смотря на водоём, трудно было думать о его истинном происхождении. Лазурные воды давно уже стали естественным украшением города и крепко полюбились как местным жителям, так и туристам.

Славился город также и своим машиностроительным заводом. Повернув голову влево, мальчик мог увидеть из окна краешек красной кирпичной стены. Это здание было хорошо ему знакомо, ведь когда-то в нём работала его мама. Она была бухгалтером и несколько раз брала его с собой. В основном они шли в кабинет и проводили там всё время, но, проходя по коридорам, Рат видел и цеха завода. Тогда, не упуская случая, он, открыв рот от восторга, жадно рассматривал все эти машины, оборудование и замуррѐнные конструкции. Цеха для мальчишки были не чем иным, как магическими мирами, в которых работники — они же волшебники — создавали удивительные вещи.

Такие живые воспоминания. Даже несмотря на то что прошло уже целых шесть лет, кабинет бухгалтерии, коридоры, цеха представлялись в его воображении так чѐтко, будто он был там всего пару недель назад. Хотя, пожалуй, за прошедшее время многое могло измениться.

Ночь укрывала Лирм, точно воздушным одеялом. Небо искрилось звѐздами. Черничное, чистое... А ведь по прогнозам на завтра обещали дожди. Но пока ни одно облачко не заслоняло

Яна Батчаева

круглой луны, и холодный свет её падал прямо на мальчика, очерчивая угловатые плечи, слегка взъерошенные волнистые волосы и дерзко выпяченный подбородок. Тёмно-карие глаза неустанно смотрели в окно. Этот взгляд, глубокий и сосредоточенный, был слишком взрослым для тринадцатилетнего паренька.

Рат Громов взглянул на своё блёклое отражение в стекле. На левом ухе виднелась выпуклая тёмная родинка — точь-в-точь как у отца. Майя — его любимая воспитательница — как-то сказала, что такая наследственная родинка предрекает потерю родителя, но вместе с тем обещает счастливое воссоединение семьи однажды. «Ага, как же, — подумал Рат, — мертвецы возвращаются только в хоррорах, и, как правило, всё заканчивается в лучших традициях Кинга».

В том, что его родители погибли, не было никаких сомнений. Он сам чудом спасся. Даже сейчас, частенько закрывая глаза перед сном, он видел объятый адским огнём дом. Это ещё одна причина, по которой он не спешил засыпать. Рат слишком хорошо помнил тот пожар. Помнил, как кричал до боли в груди, но его поглощали клубы дыма, как трещала горящая мебель, как рушились стены. Помнил, как страх загнал его в угол. А потом вдруг появился человек, укутанный в плащ, подхватил его на руки и вынес на улицу. Мальчик в ужасе прижимался щекой к холодному плечу. Глаза разъедал дым, слёзы текли ручьём, а во рту — тошнотворный привкус гари, который

навсегда остался в памяти мальчика. Кто был тот человек? Рат так и не увидел лица, но слышал его голос, когда тот привёл его к порогу детского дома и сказал, что теперь он будет в безопасности. Может, и так. Вот только с тех пор он совсем один, оторванный от рода.

Череду мыслей и воспоминаний прервал раздавшийся бархатистый шорох перьев совсем рядом, а после, как того и ожидал Рат, тихий стук клюва о стекло. Это был он — чёрный как смоль ворон. Мальчик тихонько приоткрыл створку, впуская птицу, а вместе с ней и сырой воздух. От прохлады тут же побежали неприятные мурашки по спине, а щёки и уши закололо. Да, осень в этом году особенно холодная. Поёжившись, Рат поспешил закрыть окно. Ворон, гордо выпятив вперёд грудь, неторопливым шагом вошёл внутрь и пригнулся на подоконнике по левую сторону от Громова. Правый глаз-бусина сосредоточился на подростке.

— Ну здравствуй, — прошептал Рат и слегка взъерошил маленькие пёрышки на шее. Птица от удовольствия прикрыла глаза и вытянула шею, словно кошка.

Они были знакомы не первый год. Ворон навещал его пару раз в месяц с тех пор, как мальчик попал в приют. В основном он прилетал после отбоя, когда остальные дети крепко спали в своих постелях, в то время как Рат ещё бодрствовал и без толку ворочался на кровати до поздней ночи или, как сейчас, стоял у окна. Тогда птица, будто

Яна Батчаева

зная наверняка, что он не спит, прилетала, постукивала в окно, требуя впустить её.

С первого же визита ворон без опаски позволял гладить перья, отливающие синевой, но, что самое поразительное, вёл себя он как-то уж очень умно: не каркал, не шумел и стучал так тихо, чтобы не разбудить остальных мальчишек и дежурных. Это казалось Рату странным. Как бы там ни было, к птице он искренне привязался, как к домашнему питомцу, и её появление у окна всегда радовало мальчика.

Иногда подросток говорил с ним. Рат замечал, как ворон внимательно слушает его, склонив голову набок, а пару раз ему даже почудилось, что птица в ответ кивнула, но он сослался на своё полусонное состояние и сразу же выкинул это из головы.

— Красивая луна, не правда ли? — тихо произнёс Громов.

Он снова ласково потрепал птицу, и та в ответ издала звук, чем-то отдалённо напоминающий урчание.

Время неторопливо отмерило час ночи. Песню тишины нарушало лишь сопение мальчишек, и, взглянув на них, Громов почувствовал, как и его веки наконец поддались сну и потяжелели. Пора ложиться в постель. Он повернулся к ворону, чтобы попрощаться с ним и выпустить из комнаты, но заметил, что тот ведёт себя необычно. Он будто бы затаился. Птица устремила свой пронзительный взгляд на улицу, а острый клюв слегка при-

